

Литературная газета

№ 61 (552)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вторник, 5 ноября 1935 г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XVIII ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ВСЕМ МИРЕ!

(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к XVIII годовщине Великой пролетарской революции в СССР)

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Страна подходит к славной восемнадцатой годовщине Великой Октябрьской революции с победами, не имеющими аналогий в истории человечества.

Революционные десятилетия в исторической жизни народов, — неоднократно говорил Ленин, — тем и показательны, что народы проходят в эти сжатые сроки огромный путь, какой не могут они пройти в столетия так называемого мирного развития.

Гигантскими завоеваниями характеризуется истекший год пролетарской революции. Мы записываем в книгу истории только завоеванное прочно, только то, что не может быть вырвано из наших рук ни при каких обстоятельствах.

Основа нашей экономической жизни — металлургия перевыполняет государственный план. Большая часть ее перешла на бездотационную работу, освобождая таким образом резервы, которые пойдут на дальнейшее улучшение жизни трудящихся нашей страны. Стальные артерии экономической жизни СССР — наш транспорт, до недавнего времени являвшийся узким местом, вышел на широкую дорогу перевыполнения плановых заданий. Могучее стахановское движение, родившееся в угольном Донбассе, вернейший залог наших побед на хозяйственном фронте. Колхозы на основе сталинского устава поднимают производительность труда, увеличивая количество продуктов питания. В этом году впервые выполнен план государственных хлебозаготовок к 15 октября.

Растет легкая индустрия, значительно увеличившая производство продуктов первой необходимости. СССР становится страной изобилия сельскохозяйственных продуктов и предметов первой необходимости. На основе этих побед отменена карточная система на продукты питания. Снижение цен, которое неуклонно будет проводиться и в дальнейшем, — результат именно этих побед.

Лозунг вождя народов т. Сталина о зажиточной и культурной жизни широчайших слоев трудящихся страны социализма превращен в действительность.

Эти достижения предопределяют рост культуры в самом широком смысле этого слова. Мы — люди эпохи советского возрождения. Нет ни одной области научной деятельности, где бы партийные и непартийные большевики не продвигали дело освобожденной науки вперед, к нуждам человечества.

Капиталистический мир мобилизует интеллектуальные силы для производства средств истребления людей. Поджигатели войны, германские фашисты, в Европе, и распускающаяся военщина Японии, на Востоке, организуют все силы, чтобы напасть на Советский союз.

Но несокрушима крепость социализма. Сильна и непобедима ее армия — самая вооруженная, технически и идейно, армия в мире, спаянная с народом социализма.

Счастье и радость жизни в Союзе советских народов. В борьбе родились люди, в борьбе формировались чувства советских людей, чувства, не знакомые для людей прежних поколений. «Разве мы не видим этого нарождающегося вокруг нас нового строя чувств, где есть слава, очищенная от зазнайства и себялюбия, и соревнование, очищенное от конкуренции, и любовь, и мечтательность, и трезвость, и практика», — писал Яков Ильин в «Большой конвейер». Этот строй чувств отличает «хозяйня одной шестой (пока что) и гражданина всех шести шестых мира. Это наше шестое чувство».

Художественная литература Советского союза, вышедшая на мировую арену, в большом долгу перед страной, перед людьми революции. Она еще не раскрыла во всем блеске новых чувств, новых идей, рожденных революцией и окончательно утвердивших ее.

Нужно создать книги о счастье человека революции, борьбы и социализма. Это счастье — мужественных людей, счастье борцов, счастье строителей нового мира.

Перед советскими писателями, сделавшими много, непохотый край тем. Они должны создать такие произведения, о которых мечтают люди социалистической родины.

Эти книги будут созданы. Нам нужна литература мужественных образов, литература мужественных и героических людей. Ибо мужественны и героичны наши люди. Ибо мужественна и сурово прекрасна наша эпоха. Мудр и закален штаб революции, ее вождь, непреклонный вождь и любимец миллионов ИОСИФ СТАЛИН.

ДРУЗЬЯМ

ЖАН-РИШАР БЛОК

Это было восемь дней назад в одном французском провинциальном городе, перед довольно многочисленной аудиторией рабочих, служащих, интеллигентов и торговцев. Меня просили сделать доклад о международном конгрессе писателей, который проходил в Париже в июне, о его программе и его значении...

Быстро вознес степень сознательности и волеизъявления моей публики, я решил попытаться увлечь ее посылнее. Я провел сравнение советской эпохи с Возрождением XVI в., которое создало тип человека-индивидуалиста, так сказать «абсолютного» человека. И вот я набрался, в протозеве, образ человека коммунистического Возрождения XX в. Это же индивидуалистическая личность, но «абсолютный» человек, но такой, который сможет построить бесклассовое общество, освобожденное от работ о борьбе за существование. Это — человек, гармонизующий с ростом науки и с новыми понятиями о развитии человеческой вселенной. Одним словом, человек, которого я мог бы назвать «рационалистическим» человеком...

Я был в одном из тех своих состояний, когда, подерживаемый симпатичной аудиторией, ощущаю тесную связь с ней, ум работает радостно, и я чувствую себя как бы окрыленным. Когда настал момент дискуссии, было задано довольно много вопросов. Один из них в особенности порадовал меня. Он был поставлен женщиной, которую я знал, который сам достиг определенной литературной культуры, который настроен революционно, или, точнее, «материально», и который недавно подвергся тюремному заключению за то, что спел «Интернационал» в казарме при исполнении обязанностей по службе. Мы с ним хорошо ладили, ему, кажется, нравятся мои книги и мой идеал.

Однако я заметил, что он в течение некоторого времени слушал меня с явным недовольством. Наконец он мне задал вопрос, которого я, собственно не ожидал: «Какова была бы в подобном обществе судьба Боллера или Пруста?» На последовавший за этим краткий ответ я высказался, что эти люди вошли, как и для многих слушателей, ценность и достоинство подлинного литературного творчества заключаются в оппозиции писателя к среде, в природе и к самому себе, но никак не в сочувствии окружающей жизни.

Я подумал тогда о речи нашего великого Горького на всесоюзном конгрессе писателей в Москве, в августе прошлого года, речь, в которой эта проблема была поставлена с такой яркостью и авторитетом. Пользуясь немногим временем, которое мне оставалось из-за позднего

часа, я попытался дать понять этому юноше, что Болдер и Пруст не могут быть определяемы через самих себя, так же, как и Леонардо, Байрон или Шелли, но что писатель определяет себя в действительности его темой на общество и общества на его геней. И что в этом взаимоотношении обществу принадлежит первенство.

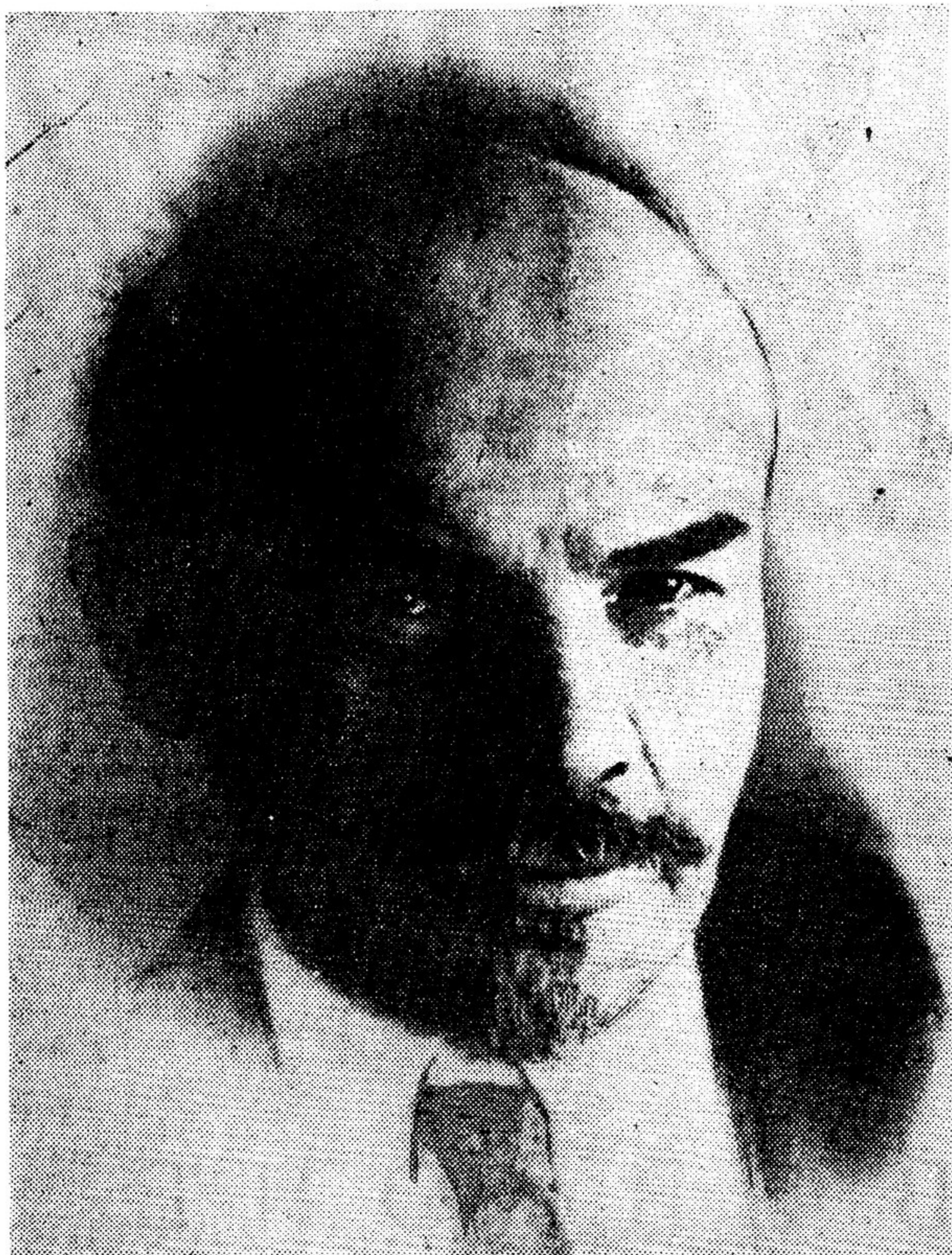
Я попытался уяснить ему, что Болдер не является уникальным случаем в литературной панораме мира, что другие Болдеры, которые родились некогда, в другой исторической обстановке, может быть, чувствовали не столь сильную враждебность по отношению к среде. Что сам Болдер — разрываясь — на другой общественной среде — не испытывал бы такой моральной замкнутости, такой тяготения к бездне.

Наоборот, удалим Шекспира из живительной атмосферы Возрождения, из общества, полного оптимизма, находящегося на пути к полному успеху и к победе, вернем его в эпоху капиталистического разложения, в которой бились в страданиях души Флора и Шопенгауэра, — я, может быть, мы одолеем и из Шекспира гения отречения.

Моя аргументация не убедила ни этого юношу, ни нескольких других интеллигентно-либеральных этого маленького города, для которых литература «благородства» заключалась в культивировании собственных противоречий. Один из них мне сказал: «Вы, может быть, правы. Но мы убедились в этом только тогда, когда большевистское общество показало нам великое человеческое подвиг, достояние быть поставленным парадом у Боллером».

Мне хотелось им ответить, что если бы они сами были современниками Боллера, то можно было бы сказать, что они так же жестоко отсылались бы ему, как его современники. И что когда выйдут советские поэты, о которых они говорят, они его так же не признают, так как человеческой природе свойственно отрицать сегодняшнюю новизну во имя «известных» вчерашней.

Я захотел рассказать вам этот анекдот, хотя вам может показаться банальной заключенная в нем критика. Ее легко распознать, эту критику, на ней лежит своя спонцифическая печать: она типично мелкобуржуазная. Но в этом мелком эпизоде не все отрицательно. За критикой кроется желание: за отрицанием — ожидание; за недоверием — надежда. И в этот 18-й Октябрь человеческое Возрождение я посвящаю эту надежду, эту ожидание и это желание вам, мои товарищи, поэты молодого советского мира. И я посвящаю ее вам с доверием, с уверенностью, с любовью.

СТРАНА ЖДЕТ КНИГ:

о героях социалистического труда

Я хороший кузнец и очень, пока еще, неважный грамотей. В те дни, когда, услышав о рекорде мастера отбойного молотка Стаханова, я задумался о том, что можно сделать на восьмичасовом рабочем дне, я прочел первую книгу. Это были «Сказки» Пушкина. Мне трудно описать те чувства, которые вызвала во мне эта книга. Я ведь простой кузнец и мне непривычно писать. Скажу лишь одно —

я понял, что чтение делает человека другим. В Москве мне подарили замечательную книгу — «Челюскинская эпопея». Каждую минуту, свободную от работы и учебы (со мной сейчас занимаюсь преподавателем), я провожу за чтением рассказов о славных челюскинцах. Я не имею права говорить о литературе, я ведь очень мало читал. Однако, выполняя просьбу «Литературной газеты», скажу о книге, которую

хотел бы прочесть. Такой книги, как говорят мне товарищи, хорошо знакомые с литературой, никто из советских писателей еще не написал. Каждому из нас хочется прочитать о таких, как мы сами, о товарищах по работе. Очень интересно написано про Гулливера (это была моя вторая книга), но я хотел бы прочесть о герое социалистического труда Стаханове. Мне кажется, писатели должны в книге, которую ждет вся страна, показать не только, как работает Ста-

ханов и тысячи других ударников, а также, что они пережили и переделали в литературе, чем начали работать, и как работают теперь. Хотелось бы также прочесть о колхозниках-стахановцах. Ведь на полях есть тоже герои труда. Возьмем к примеру Марию Демченко. Удивительные книги о мастерах техники, по-моему, каждый прочтет с охотой. Кузнец Горьковского автозавода А. БУСЫГИН

о боях прошедших и грядущих

Пробуждается славная пятнадцатилетняя годовщина ватной Переконки. Штурм Переконской твердыни — одна из ярчайших страниц истории героических дел гражданской войны.

Перекон — это зеленые воды Сибири и «саросы» конючей проволочника на Турецком валу, восьмикомплексовая фронтальная линия, неприступные железобетонные укрепления... Перекон стал символом беззаветного героизма, большевистского упорства и воли к победе.

Со словом Перекон тесно связано славное имя первого пролетарского полководца — Михаила Васильевича Фрунзе. Десятью годовщинами смерти отважного сына большевизма — Фрунзе — только что отмечала наша страна.

Прекрасна и удивительна жизнь этого замечательного человека. Вся его о нем и безраздельно посвятив делу борьбы за освобождение рабочего класса. Уже с юных лет Фрунзе на передовой линии огня. И везде, где ни работал бы Фрунзе, — среди активных участников пролетарских стачек и вооруженных восстаний 1905 года, на подпольной работе в предреволюционные годы, среди организаторов великого Октя-

бря, на бесчисленных фронтах гражданской войны, во главе Красной армии, — везде и всюду он являлся собой образец бесстрашия и неутомимого большевика. Литературный портрет Михаила Васильевича Фрунзе, верного соратника Сталина, победителя Колчака и Врангеля, друга Клыма Ворошилова, отважного воина пролетарской революции, еще не создан. Для портрета Фрунзе нужны большие полотно и большой художник.

Будем надеяться, что скоро найдется этот художник и нарисует нам прекрасный образ большевика, обаятельного героя побед на красных фронтах.

Переконская эпопея также почти не нашла отражения в художественной литературе. Пожалуй, «Падение Даяра» Малышкина и некоторые стихи Тихонова — это все, что написано о Переконе. Несмотря на целый ряд художественных достоинств, роман Малышкина неполно и не всегда убедительно рассказывает о переконских днях. В «Падении Даяра» не чувствуется героический пафос незабываемых дней.

Большого художественного произведения о Переконе ждут миллионы читателей Страны советов.

Уместно вспомнить о творчестве прекрасного художника М. В. Грекова. Покойный мастер батальной живописи создал более 800 картин о боях гражданской войны. В своем творчестве он уделял много внимания Перекону. По почину Грекова и под его руководством начала работать бригада художников, возглавлявшая сейчас гражданский памятник — панораму переконских боев.

Своей блестящей работой Греков опроверг неслепоту утверждений многих писателей, считающих, что тематика гражданской войны якобы суживает их творческие возможности.

Произведения, вошедшие в золотой фонд советской литературы — «Железный поток», «Разгром», «Челюскин» — созданы на материале гражданской войны. Интерес к произведению, показывающим героические бои пролетариата с врагами молодой республики, не уменьшается, а наоборот, возрастает с каждым годом. Успех, которым пользовалась у миллионов зрителей кинопоэма «Облапы», наглядно свидетельствует об этом.

Дело лишь в том, что многие наши большие писатели занимаются

вопросами оборонной тематики между прочим, от случая к случаю.

У писателей вошло в практику из года в год, в дни юбилейных дат, торжественно обещать выложить материал оборонной тематики. Часто дело дальше словесной предостережки не идет. Правда, за последние год положено несколько вышло в свет. Большие мастера работают над оборонными произведениями. Алексей Толстой пишет об обороне Царицына. Гражданской войне посвящен новый роман Артема Веселого и т. д.

Но сколько еще замечательных тем и изумительных образов проходит мимо внимания советских писателей.

В дни, когда вся страна празднует восемнадцатую годовщину Великой пролетарской революции, уместно спросить писателей: написана ли художественная биография первого маршала пролетарской революции? О замечательном жемчужном пути дуэнтского слесаря Клыма Ворошилова, героического подпольщика, организатора побед гражданской войны, лучшего соратника Сталина, вождя победоносной Красной армии хотят читать миллионы и в первую очередь подрастающее поколение и молодежь Советской страны.

Но не только о боях прошедших, но и о боях грядущих должны писать советские писатели.

Новый передел мира уже начался. В Африке уже пылают военные пожары. Лихорадочно готовятся новые кровопролитные войны.

Писателям нужно смелее смотреть в будущее, не бояться предсказывать. Дайте роман о грядущих боях, потребность в нем велика. И какая, как мне кажется, заманчивая перспектива для большого художника — показать высокие моральные качества нового советского человека — бойца и командира Красной армии в боевой обстановке.

Великую метаморфозу пережила Красная армия за 18 лет. Из оборванных, плохо вооруженных красногвардейских и партизанских отрядов она превратилась в могучую, оснащенную последними достижениями мировой техники первоклассную силу.

Книга, которую мы все хотели бы прочесть, должна быть большим художественным подспорьем о героическом прошлом, славном настоящем и замечательном будущем великой армии рабочих и крестьян.

С. БУДЕННЫЙ

О ЛЮДЯХ, ОВЛАДЕВШИХ ТЕХНИКОЙ

Вопросам техники советские писатели уделяли немало внимания. В десятках романов и сотнях стихов описывались на разные лады слово техника и его синонимы. Завод, фабрика, шахта являлись фонтом множества произведений литературы и искусства.

Но когда прочтешь даже лучшие наши индустриальные романы, остается какое-то чувство горечи и неудовлетворения. Техника, голая техника в них есть, а людей, ради которых создается эта техника и которые ею овладевают, не видишь. Исклечением, по моему мнению, является талантливейшая книга покойного И. Ильина «Большой конвейер», посвященная людям Сталинградского тракторного.

Я должен оговориться: я не литературный критик, а рядовой читатель, который читал только более знакомый с индустриальной жизнью нашей промышленности. Все скаанное ниже поэтому следует понимать только как пожелания читателей.

Много замечательных тем и прекрасных образов ускользает от наших писателей. Когда смотришь, как работает стахановец, берет волнения. Какой энтузиазм, какая культура труда! И откуда она только взялась, например, у Бусыгина, пришедшего на стройку Горьковского автозавода неработающим плотником из ветлужских лесов! Лучший кузнец автозаводской промышленности первые уроки культуры труда получил от американского лесника, который учил русского плотника на своем восьмичасовом рабочем дне. Через пять лет на своем восьмичасовом рабочем дне Бусыгин, поставив ошеломительный рекорд, обогнал многих мастеров американских заводов.

Стахановы, Бусыгины, Кривошеины — патриоты своей профессии, своего производства. В них находят свое отражение черты нового, социалистического человека-творца.

Как формировать этот новый человек? Как Бусыгин дошел до своего высокого мастерства? Как изменилась его психология? На эти вопросы

и должны ответить советские писатели. Неправильно было бы ограничиться чисто внешним показом методов работы героев высокой производительности. Путь к рекордам долгов и извилист. У Бусыгина, например, толчком к работе по-новому явился позорный факт головоукола одного из мастеров кузнечного цеха, увеличившего будущее лучшего кузнеца страны за «бузотерство и срыв работы». Разве эта живая деталь, полная своеобразного драматизма, не может воодушевить писателя?

Героями книг должны стать знатные люди страны, ее лучшие патриоты, мастера высокой производительности.

ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ, ИДУЩИМ РУКА ОБ РУКУ С РАБОЧИМ КЛАССОМ И КРЕСТЬЯНСТВОМ И УКРЕПЛЯЮЩИМ ТЕХНИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ МОЩЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ!

(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к XVIII годовщине Великой пролетарской революции в СССР)

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ХИЩНИКИ ГОТОВЯТ НАПАДЕНИЕ НА ОТЕЧЕСТВО ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА, — НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ! ДОЛОЙ ФАШИСТСКИХ ПРОВОКАТОРОВ ВОЙНЫ! ДОЛОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ! ВСЕ НА ЗАЩИТУ СССР — ОПЛОТА НОВОЙ ПОДЛИННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ!

(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к XVIII годовщине Великой пролетарской революции в СССР)

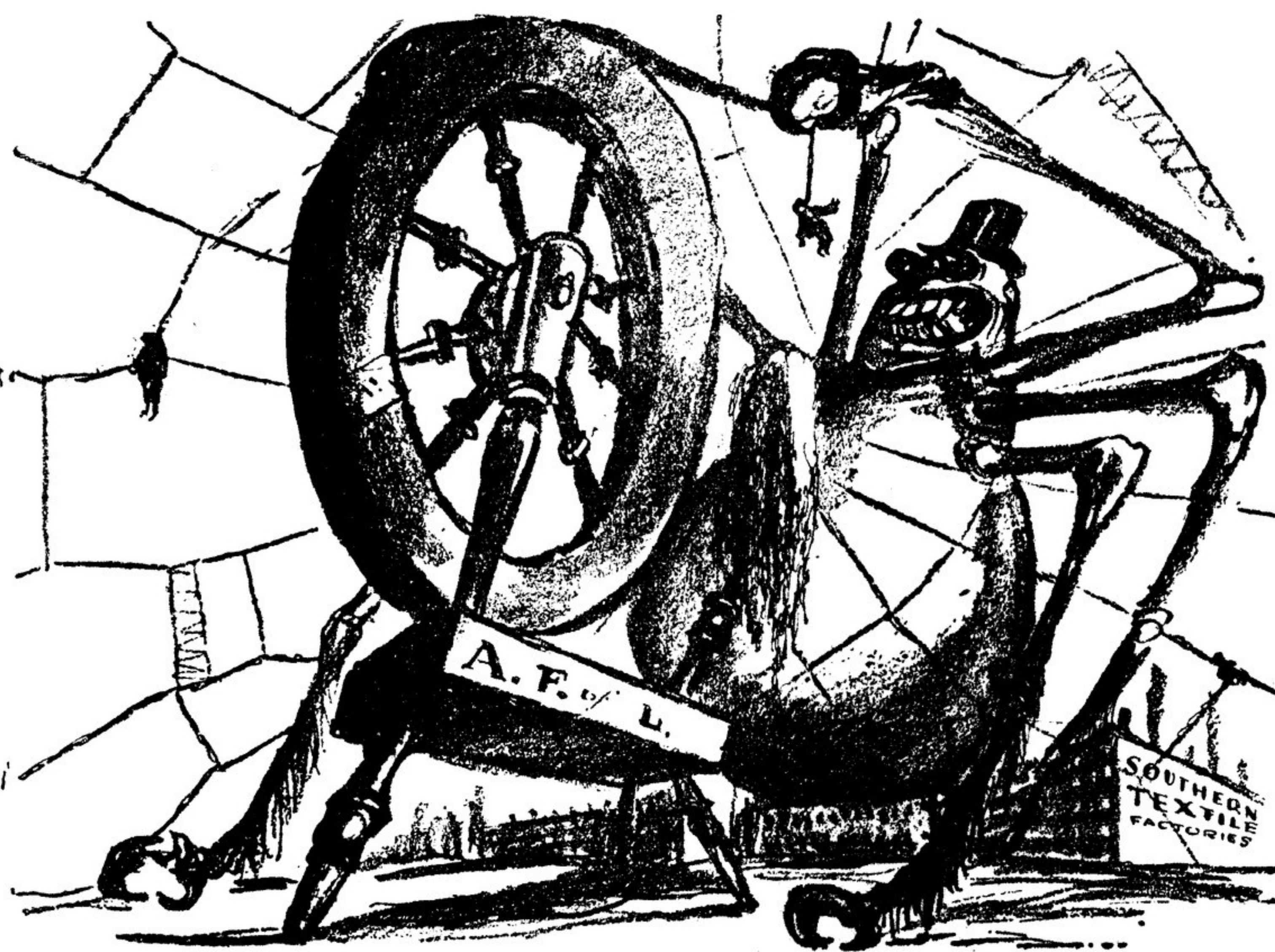
ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПИСАТЕЛЬ И БОРЬБА С ФАШИЗМОМ

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

Восемнадцатый год пролетарской диктатуры в СССР был исключительно богат ярчайшими проявлениями той новой, социалистической культуры, которая бурым цветом расцветает в нашей стране. На протяжении этого года перед глазами всего мира прошла блестящая галерея носителей и творцов этой новой культуры — от маститых ученых до простой колхозницы Марии Демченко, от исследователей Арктики и странозвезд — до железнодорожных машинистов и мастеров отбойного молотка.

Шоу, этот маститый представитель современной английской литературы, человек крайне скудный на похвалу кому бы то ни было и чему бы то ни было, весьма индивидуально воспринимавший мир и чрезвычайно своеобразно высказывавшийся об окружающей действительности, несколько месяцев назад прислал следующий ответ на анкету о перспективах капиталистической культуры: «Нет перспектив для культуры здесь. Мы живем лишь своей доведенной репутацией. Мы все смотрим на Россию как на оплот цивилизации».

«Ад организован, тащите сюда красных» — рис. Ф. Эллиса.

Парижский конгресс защиты культуры показал, насколько сообра уже возмужавшего и широкого наступления против фашистского разрушителя культуры. Но быть антифашистским писателем — это не только заявлять о своей антифашистской позиции: это вопрос литературного творчества. Роль писателя как антифашистского борца определяется, главным образом, его произведениями. Творчество писателя утверждает его право на место в великом движении масс. Наша задача — германских антифашистских писателей — состоит прежде всего в том, чтобы использовать эти возможности для борьбы против гитлеровского фашизма. Недовольство фашизмом проникает все глубже в среду трудящейся интеллигенции Германии. Если раньше находились ученые, художники, врачи, педагоги, вершние, что с приходом к власти национал-социализма наступит новый расцвет культуры, то сейчас, почти через три года фашистского господства, они начинают все больше понимать, что это было иллюзией, что они обмануты. В первые месяцы фашистского господства «идеологи» Третьей империи полагали, что им достаточно запрятать в концлагери или изгнать из своей страны передовых ученых и художников, чтобы заставить германскую интеллигенцию плясать под дудку Гитлера и Юлуса Штрейхера. Сейчас даже они сами вынуждены признать, что это было заблуждением. И в настоящее время в Германии уже начинают распускать фашистские организации, ибо и они оказались «националистами», ибо и внутри этих «национальных» организаций национал-социализм начинает кристаллизоваться антифашистские настроения, сопротивление фашистскому варварству. Так, закрыты «студийные» организации писателей, артистов и нескольких научных союзов. Для писателя чрезвычайно важно сейчас показать в своих произведе-

«Ад организован, тащите сюда красных» — рис. Ф. Эллиса.

СССР, до глубины потряса сознание мелкобуржуазного интеллигента, осветить перед ним в несмуглом ярком свете все убожество капиталистического «национализма», прикрывавшего волюй «интернационализма» мировой биржи.

Советская страна ослепляет сознание, умом и симпатиями все более широких кругов зарубежной интеллигенции именно благодаря разительной простоте, ясности и непреложности своих великих социалистических успехов. Это куда сильнее, чем целые тома рафинированных, абстрактных рассуждений о культуре, о человеческой индивидуальности, которые в обильном количестве производятся буржуазной интеллигентской стиркой воспитываются и закладываются интеллект и воли трудящихся масс, но эта же стирка предстает сама благодушно почуяв расцветать самых тонких человеческих чувствованиях, самых ярких проявлениях индивидуального человеческого счастья.

Вот почему передовые люди капиталистических стран, глядя на нас, очертывая грандиозное звание нового общественного строя, на котором развевается знамя партии Ленина — Сталина, думывают в жизни, мыслы и галости людей этой стирки, приходят к выводу, что советская культура — это новый гуманизм, это подлинное, настоящее возрождение человечества.

«Фашисты перетряхивают все историческое каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было уничижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма». — так говорил на VII конгрессе Т. Димитров. Фашисты бесстыдно подделывают историю так, как им нужно в каждый данный момент. То король сардонский Вилулин — прекраснейший образ предка, то образ предка ставится его победителем Карл, копия же которого торжественно поднесла Гитлеру, по его собственному распоряжению, на фашистском съезде в Нюрнберге. Мы, антифашистские писатели, должны бережно хранить наследие истории нашего народа, оберегать ее от всяких извращений.

ВЕВРОПЕ

ВЕВРОПЕ

ВЕВРОПЕ

ВЕВРОПЕ

ВЕВРОПЕ

Новый человек, сознательный строитель бесклассового общества, все ярче и конкретнее являет миру лицо новой, социалистической человечности. Недаром прозвучало недавно слово Максима Горького об эпохе нового Возрождения, о пролетарском гуманизме. Силой вещей социалистическая культура Советской страны все больше противопоставляется тому разрушительному культуру, под знаком которого развиваются страны фашизма. Уже несколько лет назад тов. Сталин указывал, что весь мир раскололся на два лагеря, на лагерь людей, которые живут на нас без устали, и лагерь людей, которые побеждены успехами пятилетия. Петешнее время блестяще подтвердило слова великого стратега социализма. С каждым годом СССР становится все больше центром притяжения для лучшего, передового и мужественного, что только есть в международной интеллигенции. Интерес к СССР становится все глубже, все серьезнее. Уже давно отошли в область преданий те окрашенные в скептический цвет «революционеры», какой была например, первая поездка в СССР Герберта Уэллса в годы военного коммунизма. Мировой экономический кризис, поставивший интеллигенцию перед фактами упадка и разложения науки, техники и искусства, приведший к массовой хронической безработице интеллигентского труда, сделал интерес к Советскому союзу активным, действенным. В свое время Ленин писал: «...Инженер придет к сознанию коммунизма не так, как пришел полпольший, пропагандист, литератор, а через данные своей науки, по-своему придет к сознанию коммунизма агроном, по-своему — лесовод и т. д.»

В обстановке мирового экономического кризиса люди, связанные с определенной областью интеллектуального труда, убеждаются на деле, что для науки, для инженерного искусства, для театра, для музыки, для литературы советской строй и социалистическое строительство представляют такую среду, какой никогда и нигде еще не находились в человеческой истории. Достаточно вспомнить многочисленные отзывы иностранных театральных деятелей о нашем советском театре, отзывы крупнейших представителей европейской и американской науки, которые несматривая на отставание технической вооруженности отдельных наших институтов и лабораторий по сравнению с теми, в которых они работают сами, тем не менее сумели увидеть, осознать и отметить основное: необходимость первоочередных плановых социалистической системы.

Когда из мира вольного труда в угрюмый мир, где влещется нужда, Пустыня я, и новый паровоз В чужую даль стрелой меня понес, — Весь свет забил, не отрывая я глаз От нашего бойца в прощальный час. Еще теперь я вижу пред собой Тот облик богатирский, молодой, Два ясных глаза, блеск их голубой И зная алое над головой. Я родину впервые покинул. И, трепетом охвачен, увидал: Играло пламя алое вдали, Два неба голубых под ним швели, Два неба излучали блеск живой. К ним приковался взгляд горящий мой... Но гаснет пламя, меркнет все вокруг. Два неба узки, желты стали вдруг. Гляжу, и в сердце холод ледяной: Желтеют два погоря предом мой. В вагоне, за пределом СССР, Мой паспорт просит чужинный офицер.

В одном из городов Ирана Смысленная жила когда-то обезьяна. Детенышем одним разделена, Ею растила бережно она. Искусством обезьяньим и споровой, Сама владела ловко, Учила сына мать Божать в опасности и в драке нападать. Повиснув на одной ноге, качаться, Скакать и кувираться. Десятками ужимок и затей Морковку выманить или персик у людей. Когда ж сама полочку получила, Кусок полочкой свачала. Спешила сыну дать Заботливая ласковая мать. И если пробовал над ним кто поглумиться, Мать на обидчик бросалась, как тигрица. Была любовь ее к питомцу такова, Что всюду шла о ней молва. Бывало, среди людей порою Повздорит если муж с женою Из-за детей. — Стыдись, жена! — тотчас кричит он ей. — Быть матерью разумною и рыной Или учись у обезьяны! — Слышал я, что хозяин как-то раз, Найдя досуга час, Повел ту пару обезьяню С собою в баню. Была земля там горячий огонь, И обезьяны нежная ступня Не вынесла. Пришлась ей таяко, Попрыгнула, закончилась бедняжка. Увида это исполощилась мать, Дитя обняв, пустилась бежать. Но вскоре доказанный пол И ей подошвы судорогой свел. Тогда, собрав слабости силы, Она на плечи сына посадила. Ничто спасения не несло. И руки ей ноги обожгло. Она вжалась, пытаясь носиться. В отчаянье слепом о стены билась И, покоряясь наконец судьбе, Швырнула сына под ноги себе. Куда делалась жар любви старинной? Мать, как палач, на грудь садится сыну. Но так под ней детеныш биться стал, Так таяко застонал, Что в матери некогда сердце сжалось. Ее терзает страх и жалость. Невмочь ей этот стон перенести, Невмочь и на смерть вернуть итти. И злым безумьем обвьяна, Рукую сыну рот зажала обезьяна, Чтоб вопль его призывный заглушить И жить, любя ценою жизни! В свирепом этом сумятице, казалось, Следа от материнства не осталось.

Европа тем гордится извывая, Что наши свободы там дана, Что все в правах равны там без изъятия, Что люди там — и граждане и братья. Сомнения нет, те речи — не обман. Там каждому свободный выбор дан. Там волен жизни обладатель денег Любое в жизни выбрать наслаждение. И пролетарий волен в день любой Меж кабалой, тюрьмою и скитаньем По вкусу выбрать для себя страданье. Я инженера как-то видел там. Волил он грустно кистью по стенам. Тут, вспомяни был о шейке и бродяге, И с шейковой сравнил судьбу бедняги. Спросил я: кто привел сюда его, Свободное такое существо? Когда бы выбирать свободно смел он. Иным бы, верно, занялся он делом. Но он у бога страшного в тисках. Бог — золото, и все в его руках. Да золото сидит над троном бога. Талант и ум, как нищий, у порога. Так жил и я до той поры, когда Ступил на землю вольного труда. Как в западных краях, и жизнь Востока Давно течет позорно и жестоко. Я помню дни слепого бытия. Когда я вправе не был звать «я». Я действовать не мог, как «я» свободный. Я не был «я», как всякий ян подобный. Но приняла меня советская семья. И с той поры впервые я стал «я». Ковать ли у огня металлу упрямый, Шагать ли с песней за колхозным плугом, Тела людские знаниям исцелять, Сердца людские словом оживлять, Рукую науки побеждать природу, Пасти стала или быть вождем народу — Из этих дел в стране моей родной К любому пути открыт перед мной. Мои здесь все дела и все занятия И люди здесь — мне подлинные братья. Здесь я не только «я» одно, друзья. «...В стране торговцев золото — влажка. А человек — бессильный горемыка. В краях, где сотни замков и дворов, Одной души не слышешь без оков. Кузнец, делая, перец и замеселец — Рабы, в капитал — работаделец. Из тех людей-рабов, людей-машин В день затрещин не верит ни один. Там знаешь, опит, долготелый труд Покая человеку не несут. Там ночью стар и мал во тьме угрюмой Одной томится неотступной душой: Проснется ль он для жизни и труда Или с миром распрощается навсегда? Там люди есть, что в слепоте покорной Не видят выхода из ямы черной. Мерещится им золото везде. Что им до басен о добре и зле? Кровавое ли, грязное ли дело — Для золота на все решается смело. Решается связь любовью разорвать. Жену, детей, товарища прозвать. За золото наемным ступи убийцей. Что самому от смерти откупиться. Наука там отвержена везде. Наука люди — в горе и нужде. В мучках — блеск чарующих творений. А явдас продается нищий гений. Кузнец, делая, перец и замеселец — Как язык, лежит под варварским ножом. Народные герои — в заточенье, Истерпано народное терпенье. Стеной на угнетателей встает. Бурлит, как море пламени, народ. В кровавой этой битве пролетарий На всем земном возмужает шаге. Париж и Рим, Формозов и Ирак Победно осенил баргярный стег... Так думал я под мерный гул вагонный. Как вдруг — увидал красный флаг взнесенный Не сон видал, не сказку я слышал. — То гордый стег Советов полыхал. То наше знамя реяло и орело И слово «СССР» на нем горело. Как вольно стала гулом моя дышать! На родину вернулся я опять»

— Эй вы, что там взывали вы на плечи? Кто вы, люди, тащите его? Свободное такое существо? Европа тем гордится извывая, Что наши свободы там дана, Что все в правах равны там без изъятия, Что люди там — и граждане и братья. Сомнения нет, те речи — не обман. Там каждому свободный выбор дан. Там волен жизни обладатель денег Любое в жизни выбрать наслаждение. И пролетарий волен в день любой Меж кабалой, тюрьмою и скитаньем По вкусу выбрать для себя страданье. Я инженера как-то видел там. Волил он грустно кистью по стенам. Тут, вспомяни был о шейке и бродяге, И с шейковой сравнил судьбу бедняги. Спросил я: кто привел сюда его, Свободное такое существо? Когда бы выбирать свободно смел он. Иным бы, верно, занялся он делом. Но он у бога страшного в тисках. Бог — золото, и все в его руках. Да золото сидит над троном бога. Талант и ум, как нищий, у порога. Так жил и я до той поры, когда Ступил на землю вольного труда. Как в западных краях, и жизнь Востока Давно течет позорно и жестоко. Я помню дни слепого бытия. Когда я вправе не был звать «я». Я действовать не мог, как «я» свободный. Я не был «я», как всякий ян подобный. Но приняла меня советская семья. И с той поры впервые я стал «я». Ковать ли у огня металлу упрямый, Шагать ли с песней за колхозным плугом, Тела людские знаниям исцелять, Сердца людские словом оживлять, Рукую науки побеждать природу, Пасти стала или быть вождем народу — Из этих дел в стране моей родной К любому пути открыт перед мной. Мои здесь все дела и все занятия И люди здесь — мне подлинные братья. Здесь я не только «я» одно, друзья. «...В стране торговцев золото — влажка. А человек — бессильный горемыка. В краях, где сотни замков и дворов, Одной души не слышешь без оков. Кузнец, делая, перец и замеселец — Рабы, в капитал — работаделец. Из тех людей-рабов, людей-машин В день затрещин не верит ни один. Там знаешь, опит, долготелый труд Покая человеку не несут. Там ночью стар и мал во тьме угрюмой Одной томится неотступной душой: Проснется ль он для жизни и труда Или с миром распрощается навсегда? Там люди есть, что в слепоте покорной Не видят выхода из ямы черной. Мерещится им золото везде. Что им до басен о добре и зле? Кровавое ли, грязное ли дело — Для золота на все решается смело. Решается связь любовью разорвать. Жену, детей, товарища прозвать. За золото наемным ступи убийцей. Что самому от смерти откупиться. Наука там отвержена везде. Наука люди — в горе и нужде. В мучках — блеск чарующих творений. А явдас продается нищий гений. Кузнец, делая, перец и замеселец — Как язык, лежит под варварским ножом. Народные герои — в заточенье, Истерпано народное терпенье. Стеной на угнетателей встает. Бурлит, как море пламени, народ. В кровавой этой битве пролетарий На всем земном возмужает шаге. Париж и Рим, Формозов и Ирак Победно осенил баргярный стег... Так думал я под мерный гул вагонный. Как вдруг — увидал красный флаг взнесенный Не сон видал, не сказку я слышал. — То гордый стег Советов полыхал. То наше знамя реяло и орело И слово «СССР» на нем горело. Как вольно стала гулом моя дышать! На родину вернулся я опять»

Несколько слов о нашей боевой песне. История борьбы германского рабочего класса создала много прекрасных песен. Они возникли часто среди рабочих масс и сами составляли часть истории классовых борб. Но они во многом уже не отвечают вышедшим изменившимся условиям. Германским антифашистам нужны новые боевые песни. Песни народного фронта, песни, говорящие о возмужавшей силе народных масс, об их уверенности в неизбежной и близкой победе. Песни, которые были бы памятниками брачьями героям истекшей кровью, но побежденной народной Германии. Песни, прославляющие, укрепляющие новые узы боевого братства коммунистический и социал-демократических рабочих и всех трудящихся, единение всех лучших сил германского народа для спасения Германии от фашистского варварства, от войны и гибели.

Перевод с фарси БАНУ.

ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУКАХ ВОЕНЩИНЫ

И О С И Х И Д З И К А Т А И С Э К И С А Н О

«Война — отец творчества, мать культуры» — такими «переправками», воспевавшими войну словами, начинается брошюра «Принципы обороны страны и предложения по ее укреплению», опубликованная военным министерством 2 октября 1934 г.

В 1932 г. Араки, вояка японского военного фашизма, бывший тогда военным министром Японии, заявил:

«Армия всегда должна быть готова не только к войне, но и к действиям в области различных этических, социальных и культурных проблем. Эти действия должны основываться на здоровых, честных и открытых принципах внутренней политики Японии».

Трудно себе представить, насколько изменилась политика японской буржуазии в области искусства после начала габриэльской войны в Манчжурии, являющейся по существу подготовкой нападения на Советский Союз. С этого момента почти все деятели искусства объединяются вокруг лозунгов: «Искусство — на службу стране», «Цени настоящее японское искусство», «За процветание народа настоящим японским духом» и т. д. и т. п.

В феврале 1932 г. организуется «Общество 5-го часа» («Ицукакай»), в которое вошли такие известные буржуазные писатели, как Наоки (умерший в 1933 г.), Миками, Хираяма, Ивата и Такэнака, известные инициаторы популярных романов и др.

Популярность себе Наоки завоевал на фронте буржуазной литературы сразу же после того, как выпустил (еще до организации «Общества 5-го часа») так называемый «фашистский манифест».

Несколько месяцев спустя в свет вышел собственный «шедевр» Наоки — «Дрожь Японии».

Весь смысл романа сводится к следующему: «Японский народ, проигравший войну — высшая дослестность! Япония объявлена своими победителями, и ее гордость мещает ей трезво взглянуть на войну и на полтергейстные ее со всех сторон опасности. Это-то и заставляет нас дрожать». «Будь готов ко всем опасностям!» — заканчивает Наоки свой роман.

Вскоре роман этот был драматизирован и поставлен под названием «Первый тяжелый снаряд японского фашистского театра» в одном из больших театров Токио коллективом «Син-Кобутэки».

Наоки стал королем в области популярных романов и пользуется большой известностью даже и сейчас. «Мяноко» — буржуазная газета, интересующаяся вопросами искусства, — сообщает (2 декабря 1934 г.), что богатейший буржуазный литературный журнал «Вунгай-Сюндзю» установил премию имени Наоки для молодых писателей популярных романов, и после смерти Наоки соратники его продолжали эту работу в различных формах и наконец им удалось теперь уже организовать так называемое «Общество культуры молодежи Японии» под руководством Ёйзая Исокэя.

Кто же он, этот Исокэя? Его литературный дебют состоялся в 1926 г., когда в первом номере реакционного, культурного массового журнала «Кинг» появились его первые сочинения. Это было уже после того, как он раз двадцать менял свою профес-

сию, начиная от работника типографии до журналиста. Он чрезвычайно плодовит. Полное собрание его сочинений, изданных до 1933 г., уже насчитывало 15 томов. Его творчество отличается главным образом тем, что он пишет исключительно о прошлом, причем в такой фантастической, антиреалистической манере, что часто его романы носят характер историко-детективных. Он тесно связан с двумя реакционными культурными журналами — «Кинг» и «Кинодо» («Восход солнца») и пользуется большой известностью среди читателей как автор популярно написанных реакционных романов.

В середине ноября 1934 г. в японской армии проводились большие маневры в присутствии императора в одной из префектур, лежащих к северо-востоку от Токио. Группа наиболее крупных буржуазных писателей, в том числе К. Кикучи — популярнейший писатель современной литературы, Х. Сато и др., была приглашена на эти маневры военным министерством в качестве гостей. Нельзя не отметить, что в этой группе были три фашистских писателя, а именно: Исокэя, о котором мы уже говорили выше, Миками и Сиран — также популярный в Японии писатель.

По возвращении из маневров Исокэя описал свои впечатления в газете «Асахи» (12 и 13 декабря 1934 г.). После выражения своего восторга, выливающегося в пышных цветистых фразах по поводу того, как хороши японские солдаты, как приятно было смотреть на них, какое огромное значение вообще имеет японская армия и т. д., и в особенности своего удивления при взгляде на присутствовавшего на маневрах императора, он восклицает: «Как передать чувство восторга, охватившего меня в тот чудесный день? Разве только тем, что это вылилось в одну мысль: если бы я имел ребенка, я с радостью отдал бы его на служение его величеству императору».

И эта статья была напечатана рядом с информацией об ужасающих условиях жизни северного крестьянства, буквально умирающего от голода, о положении которого даже буржуазные газеты уже больше не могут молчать.

Каким же путем распространяются реакционные произведения уже упомянутых писателей? Главным образом это делается через массовые литературные и просветительские журналы, как, например, «Хинодзэ», «Кинг», «Фудзи», «Юбэн» и др.

Одни из наиболее известных буржуазных авторов популярных романов, Дзэиши Тани, помещает в журнале «Хинодзэ» свой роман «Новый Монте-Кристо» следующего содержания:

Шофер Талокоро в свою свадебную ночь арестован и брошен в подземелье на острове начальником «русского ГПУ» Кумаока. Это устроил, благодаря своему знакомству с Кумаока, друг Талокоро из репутации. Между тем отец Кумаока является как бы главой фашистского движения и потому находится в смертельной вражде с сыном. За несколько лет до того пропал большой друг отца Кумаока — профессор Сакагами, президент восточновосточной высшей части школы, и это, оказывается, опять-таки дело рук того же Кумаока. Талокоро старается организовать

поход из тюрьмы и совершенно случайно знакомится с профессором Сакагами, заключенным в соседней камере. Они становятся друзьями, и Талокоро переносит его знание жизни и опыта, но, к сожалению, благодаря долгому пребыванию в заключении и старости профессор умирает, не дождавшись победы. Перед смертью он сообщает шоферу, что на одном острове скрыты огромные сокровища и что он должен найти их с тем, чтобы помочь отечеству в опасную минуту, а также искоренить с помощью их всякий вред, наносимый государству. Дело профессора завернуто в рождество и пригрозил в опасную минуту. Талокоро ночью выламывает дверь и вынимает от места, так что принадлежит устроит мещанин, не замечая обмана. Берет его и выкидывает в море. Его спасает рыбацкая шхуна, и он дает себе клятву отомстить за свое 11-летнее заключение в подземелье. После того как он ходит сокровища, он начинает свою миссию... И так без конца, нагромождая одну нелепость на другую, автор продолжает свой невероятный фантастический бред в духе обычных детективных романов. Однако даже такие романы имеют колоссальный успех у доверчивых читателей.

Кроме вышеперечисленного, мы должны заметить, что военные круги Японии имеют целый штат авторов-специалистов по военным романам, рассказам и особенно всевозможным антисоветским выдумкам.

Соответственно этому идет пропаганда милитаризма под лозунгами: «За объединение Великой Азии», «За

за оборону отечества», «За императора», «Будь готов к национальному бедствию 1935—1936 гг.» И снова начинается открытая военная пропаганда, однако, уже в значительно увеличившихся и расширившихся масштабах, чем в 1931—1932 гг. Такие произведения, как антисоветский фильм «Верховная воля», документальный фильм «Молодая Япония» — фильм о необходимости подготовки молодежи к обороне страны, фильм «Япония, продвигающаяся на север» — о так называемой жизненной опоре Японии на север, т. е. Сахалин, Охотское море и т. д., являются типичными для этого этапа. Эта тенденция усиливается день ото дня параллельно общей внешней политике Японии в связи с выходом из Лиги наций, мор-

скими переговорами в Лондоне, разочарованием Вашингтонского соглашения и пр.

Характерно, что даже такой писатель, как Т. Ивата, все время находившийся под сильным влиянием современной французской литературы, в особенности под влиянием сентиментальной романтической литературы чисто индивидуалистического характера, написал недавно пьесу «Восток принадлежит Востоку» — на тему о расовых противоречиях между мужиком-жителем Востока и женой-иностранкой. Основной аргумент пьесы — значение чистоты расы — сильно напоминает психологию теоретической Германии, кричащей о превосходстве арийской расы.

Вообще говоря, существуют два течения в современной японской литературе. Первое — так называемое «возрождение» литературы, начало которому было положено известным писателем Фусоо Хаяси, занимающим почетное положение и правом крыла революционной литературы после освобождения своего из тюрьмы в конце 1932 г. К сожалению, в то время революционное литературное движение Японии было полно девачьих тенденций, сектанства и так называемой «переноски» политики в литературу. Предложение Хаяси о «возрождении» литературы фактически оказалось механической реакцией на эти девачьи детские бредовые революционные литературные движения, которые по существу сильно мешали созданию высокохудожественных революционных произведений. Это предложение Хаяси было поддержано группой писателей, не сумевших больше противостоять поднимающейся волне так называемых популярных новелл и по той же причине искавших себе подходящее место в литературе. Прикрываясь лозунгом «возрождения» литературы, эти писатели были заняты переносом и изучением буржуазного реализма. Почти все они высказывали лозунги: «Назад к Вальтеру», «Назад к Достоевскому». Однако эти попытки не дали достойного воплощения в японской литературе. В период «бурь и натиска» в японской литературе это движение оказалось бессильным. В целом это было не больше, как протест против фашистского подвига, с одной стороны, и против усиления репрессий, направленных даже в сторону либеральных тенденций в литературе, — с другой.

Создание «Союза свободы науки и техники» под руководством революционных и культурных организаций Японии, а также успех этого союза в организации протеста против реакционной линии, проводимой в японском университете, и фашистского режима в Германии отчасти объясняют правильную мобилизацию таких слоев интеллигенции, которые поднимают голос протеста против рождения фашизма и культурной реакции в Японии.

Второе течение можно назвать «литературой бесноватости». Не так давно пелый ряд критических работ Льва Штосова был переведен на японский язык, и совсем недавно вышел японский том собрания его статей в японском языке.

«Назад ушла навсегда, а мы должны жить. Перед нами — целая жизнь. Даже если вы желаете умереть — вы не можете».

Пессимизм Штосова, положивший начало философии трагедии, сильно преобладает среди некоторых

групп писателей Японии, считающих, что социальные условия настоящего времени совершенно безвыходны. Они занимаются истончением своего влияния, вечным коланьем в себе и влудом по направлению к скептицизму. Отсюда — рождение литературы бесноватости, как жертвы войны и фашизма в Японии.

Но буржуазия не забывает использовать для своих целей даже и эти слои писателей. Например, весной 1934 г. Макумото — начальник департамента полиции, соратник Наоки в деле создания имперской академии — организовал заседание, на котором были приглашены писатели. На этом заседании присутствовали также начальник бюро социального воспитания министерства просвещения. На заседании было вынесено решение установить головной бюджет пробылабельности в 20 тыс. иен для обеспечения жизни молодых писателей, а также премии за лучшие произведения в целях помощи развитию чисто японской литературы. Конечно всеми единогласно было решено не принимать в эту группу многих писателей, находящихся в рядах революционного литературного движения или его симпатизирующих. Хорошее отношение со стороны правящего класса Японии отнюдь, однако, не означает, что он стал лучше понимать литературу или уважать писателей, а только то, что для буржуазии стало ясно, какую огромную пользу они могут извлечь из литературы в смысле пропатриотизма своих идей. Следовательно политика буржуазии определенных групп буржуазных писателей является не чем иным, как полнотой, а случае необходимости, привлечения этих писателей.

Кроме невероятных репрессий и строгой цензуры против революционной литературы, арестов и заключения в тюрьмы революционных писателей и работников искусства, даже такие журналы, как «Кайдзю», «Тюю корон», где иногда появляются отдельные статьи либерального характера или произведения революционных писателей, носящие следы такой строгой цензуры, что часто трудно понять даже основную мысль их, — абсолютно исключены из фабричных, заводских, школьных библиотек, а также библиотек на пароходах, в студенческих общежитиях и т. д.

Если кто-либо в деревне захочет почтять эти журналы, на другой же день (через почту) имя его заносится в полицию в черные списки «революционеров». Важен этих журналов всевозможные вредные реакционные журналы выпускаются миллионным тиражом, навязывают библиотеки и в сельском навязываются читателям.

Означает ли это, что все Япония хочет и принимает только реакционную культуру? Конечно нет! Потому что социальные и экономические условия настоящего времени, что она далека от того, чтобы принимать такое «удовольствие» или отражение в искусстве «сперсрасной» жизни человека. Это состояние все более углубляется и тем самым не только не облегчает военные борбю за выход из теперешнего кризиса путем войны, а, наоборот, служит укреплению корней революционного подвига масс, который найдет свое отражение в литературе австражного дня, литературе будущей прекрасной пролетарской Японии, освобожденной из рук грабителей-самураев.

Враги Октября. «Под теплым крылышком «социалиста» Керенского. Карикатура худ. Кукрыниксы. Из I тома «Истории гражданской войны».

Илья Сельвинский О ДРУЖБЕ

Когда море отбегает в час отлива,
Рыбы скажут, ничего не понимаю,
Лыбом встанет их цветное оперенье,
И от ужаса меняется окраска.
Станут насморком прозрачные медузы,
А водою отражаемые звезды
Не удержатся на волнующих откатах
И, удравшись о динне, почернеют.
В этот час зелено-пеготого отлива
Я нашел молодую нерпу.

Попыталась уползти на ластвах,
Оглянулась. Ласт хрипозато.
Но глаза ее, по-детски золотые,
Умольноно глядят на великана...
Я тихонечко протягиваю руку,
Но спуская гинтикомого взгляда,
Нерпа стынет в неестественной позе,
Но не выдержала. Укусила.

Высотас чернотую ранку,
Обмотав ее жгутом с улами,
Наступил я нерпе на лапу
И по храпу ее ударил.
Заметалась в стороны бедняжка,
Фыркнула, заныла, зачихала...
Я размеренным движеньем дровосека
Пять минут ее по носу дубасил.
С этого момента не кусалась,
Лишь глаза умоляюще глядели.
Я отнес ее домой, и нерпа
Стала жить в эмалированной ванне.

Океанская волна ходила,
Огни зажигая по фарусу,
А в голубизне ее горели
Два шара электрической нерпы,
По утрам мхомной простыней кой
Отверев сербнотое тельце,
Я носил ее туда и обратно
Мимо бочты, пирюльки и аптеки,
И, обняв меня ластом за шею,
Положиши голову на ворот,
Нерпа тихо дышала в ухо,
Точно большой ребенок.

Так мы с ней замечательно дружили.
Каждый день по Ленинской гуляли.
Но прошло уже четверо суток,
А она ничего не ела.
Я пуская к ней живую рыбу,
Радуюг зажегшей ванну,
Рыба прыгала, играла, кувыркалась,
Но недвижно шары горели.

Тогда я понял, что нерпа
Жить и меня не будет.
Замечательные наши отношения
На ее решимость не влияли.
И тогда я взял ее из ванны
И унес ее на улицу, а к морю.
На ветру моя нерпа встрепенулась
И, как в первый день, укусила.

Я швырнула ее с берега подальше,
В глубину ушла моя подруга.
Литое серебряное тело
В глубине блеснуло торпедой.
Я стоял у широкой бухты
И, волнуясь, считал секунды...
Далеко, далеко на солнце
Вспыхнула и оглянулась
И исчезла. Больше не вылетит.
Я ее никогда не увижу.
И, поправив жалкую улыбку,
Я ушел решительным шагом.

Парикмахерская, радио, аптека...
Все-таки она оглянулась.
Может быть, увидела на мысе
Черный силуэт человека?
«Здравствуйте», ответил я кому-то...
Что она почувствовала, рыбка?
«Дайте, пожалуйста, на рубль
Гигроскопической ваты».
Может быть, была лишь совниевенная
Эта удивительная дружба,
Может быть, символический мерцающий
Эта удивительная дружба
Только возвела мое сиротство.
Одиночество мое укрепила...

Я мечтаю о дружбе изуврекой,
Потрясающей, точно калвята,
Чтоб хотелось за товарища сердце
Разорвать пополам — на два.
Но друзья изменяют, раин,
Огнянувшись разок на прощанье,
Но не сам ли своею волей
Отпускал я друзей на волю?
Ища для себя добра в них.
Я любил их, брелая оружием,
Ибо дружба не знает равных.
Только сильный и слабый дружат.
Но идея дружбы проста ведь,
Как служить своему призванию,
Если мог я ей предоставить
Взамен океана — ванну?..

Улыбай же, веселая рыба,
Из моих бесприютных комнат.
Оглянулась, и на том спасибо.
Оглянулась, стало быть, помнит.
Нужно быть по-советски широким
И не прятать любимых в ящик.
Я тоску переплывал бы в рокот,
Но не было слов подхалишки.
И я встопиши от чистого сердца
Стынаете, заученные с детства:

«Вчера я растворил темницу
Воздушной пенницы моей,
Я рошам возвратил пенину,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая,
В сиянии голубого дня
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня».

Восемнадцатую годовщину Октябрьской революции Государственный театр им. В. Мейерхольда исполняет пятнадцатый раз. Совпадением вовсе неслучайным. Театр, приурочивший свое открытие к октябрьской годовщине, стал первым революционным театром Советского Союза.

Театр РСФСР Первый (так назывался тогда этот театр) возник как плацдарм для практического развертывания принципов театрального Октября. Обтравывая положения буржуазного, по преимуществу натуралистически отобразительного театра, противоречащего требованиям революционной эпохи, новый театр ставил тогда перед собой еще только самые общие задачи. В период театрального Октября он лишь шапцуют свои новые методы. Вот почему в нем преобладали стремления к отрицанию, разрушению старого. В «Зорях» Э. Верхарна (переработка пьесы и постановка В. Мейерхольда и Вал. Боботова), которыми открылся театр, он отказался от фетишизма пьесы и, выходя мыслью революционного художника, вохнул в переключенном пьесу живой дух своих дней. Он отказался от замкнутости театрального действия и, в связи с этим, — от каменности актерской игры. Он отказался от излюбленных декораций. Основным в художественной методологии спектакля была деформация, разрушение традиционных форм.

Низвергая буржуазную эстетику стремился строить новый театр, очищенный от ее скверны. Мейерхольд, как это и свойственно многим художникам революционных эпох, действовал прямолинейно и полчас грубо. Отсюда — суровая простота, некоторый примитивизм, выражающийся условно, варваризм «Зорь». По «Зорь» никоим образом не были отринуты всей предшествующей театральной культуры. Ирония бурюя в традициях недавнего прошлого, новый театр пользовался в этой борьбе критически пересматриваемыми древними традициями. И очень характерно, что в самом начале этого нового театра, в его творчестве звучат мотивы первых этапов истории сценического искусства — аличного театра.

«Зорь» резко противопоставил тогдашнему театру: это был смелый вызов ему. Однако это вовсе не значит, что этот спектакль не имел контакта с какими-нибудь традициями театра того времени. Как первая творческая манифестация театрального Октября, он являлся долговязым ответом на чаяния людей, жаждавших действия, театрального действия. Четвертое действие было дано, нем с той силой, с той жестотью, которая свойственна пьесе Мейерхольда.

Несмотря на обильные риторичи в пьесе и на статичность и ораторный характер постановки, спектакль воспринимался со значительным эмоциональным подъемом. Этот подъем воз-

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕАТРА

К пятнадцатилетию театра им. Мейерхольда

растал к финалу, в котором с большой силой абузал торжество победившего революционного народа и его скорбь над гробом вождя. «Интернационал» заканчивавший представление, с воодушевлением подхватывался зрителями. Спектакль был насыщенный подлинным революционным пафосом, который перелескивался в артистичный азл и встречал в нем отклик. Так создавалось единство амольной сцены и артистического зала, и отвлеченная пьеса становилась животрешенше современной.

«Зорь» возбуждали реообий интерес и вызвали ожесточенные споры. Первый спектакль театрального Октября завсталял артистел — не только друзей, но и противников нового театра — с неослабимым вниманием прослуживать несколько часов в холодном и сыром помещении: театр не отапливался и зрители кутались в шубы, шинели, шарфы, напряженно слухая простуженных, охрипших актеров.

В театр вступила современность — советская, революционная современность. Она воплотилась в эмоциональном содержании спектакля и самый стиль его отвечал духу первой республики рабочих и крестьян, величественной в своем героизме, пылчей, голодной, вальдбеленой, коволая, низвергнув прошлое, под жесточайшим натиском сильнейших врагов строила новое. Как и в самой стране, в ее новом театре все пребывало в становлении. И хотя абстракция спектакля находилась в противоречии с его актуальностью, все же и в них отразились устремления тех лет: попытки охватить общенные черты революции, ее гитатские масштабы.

По существу «Зорь» открывал новую эпоху в театре — эпоху театрального Октября. До «Зорь» отдельные революционные спектакли (постановка «Мистерия-Буфф» Маяковского В. Мейерхольдом в Петрограде в 1918 году, постановка «Объяснение истоника» К. Маршаламовым в Кивее в 1919 году, петроградские массовые действия и др.), при всем их значении, оказывали единичные явлениями, не создавали новой театральной формации. «Зорь», с огромной силой революционной убежденности утверждавшие новое содержание, новую эстетику, стали зорями революционного театра, его началом. Уже в то время многие театральные работники определяли «Зорь» как первый подлинно революционный спектакль.

Только Октябрьская революция дала Мейерхольду возможность взглянуть на театральное искусство, как на осуществившее его творческие замыслы. И с самого своего возникновения театр Мейерхольда являлся революционным экспериментальным театром.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ.

К ДВАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Ровно через два года Советский Союз будет праздновать свое двадцатилетие.

В Москве и других городах страны уже начата подготовка к этому замечательному юбилею.

Большой писательский коллектив работает сейчас над пятнадцатым юбилейным изданием «Людй пятилетки». Один том этого издания посвящается искусству дореволуционерного творчества народов СССР. Во втором томе будут помещены высказывания ученых, инженеров и политических работников Советского Союза о будущем нашей страны. Книга так и называется «Взгляд в будущее». Остальные три тома являются в себе рассказы и очерки писателей о новых людях Советского Союза, о типах и характерах, созданных великой Октябрьской революцией и эпохой двух социалистических пятилеток.

Этим томам будет предшествовать книга литературных зарисовок «Картины жизни Советской страны». В настоящее время авторы заканчивают работу над ней, и к 1 января 1936 г. книга поступит в редакцию.

Закрывая первый всеобщий обзор писателей, А. М. Горький выдвинул перед писателями задачу создания книги, которая показала бы «художественное» творчество истории в течение одного какого-то дня. Такая книга — название ее «День мира» — готовится к двадцатой годовщине Октября Журнально-газетным объединением.

Большая работа начата Катаевым. Он задумал повесть, героем которой будет большевик — типа Баумана, типа Фрунзе. Большевик — ровесник Сталина. Его биография, начиная с самого детства, через юныеские годы и первые годы участия в революционной борьбе, через годы политкаторжанства и начала революции до сегодняшнего дня — вот тема этой повести. Нельзя сказать, что она предназначена исключительно для среднего читателя, но одна из ее задач — показать советской молодежи, ровесникам революции, громадную путь, пройденный партией от даразма до победы Октября. Показать, так сказать, персонально-биографическую историю партии. Многие куски этой повести уже написаны. В нее войдут несколько глав из «Войны» — книги, ранее начатой Катаевым и совершенно переделанной для этой повести.

Параллельно с этим В. Катаев будет работать над книгой новелл. Каждая из них расскажет читателю о самом значительном событии, происшедшем в том или ином году жизни автора. Таких новелл будет около сорока. Собранные в книгу и расположенные в хронологическом порядке, они в некоторой степени создадут представление о биографии писателя.

Е. Габриэлович, только что закончивший повесть, в которой он поставил себе задачей показать образ коммуниста, еще не отмеченный в нашей литературе, решил после этой собы-

Враги Октября. «Все в прошлом» — бесменный эсеро-меньшевистский прекадатель — Чкандав. Карикатура худ. Кукрыниксы. Из I тома «Истории гражданской войны».

НОВЫЕ КНИГИ

советская литература

В. Аверьянов. Золотая скворочка. Драма в 3 действиях, 6 картинах. 2-е исправленное издание. 52 стр., цена 40 к., Москва, Гослитиздат.

русская классическая литература

Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного. Вступительная статья Л. П. Гроссмана. Рисунки В. А. Миллера. 230 стр., цена 6 р., Москва, Гослитиздат.

иностранный литература

Луи Сабатери Мерсье. Картины Парижа. Очерки и зарисовки жизни Парижа перед революцией 1789 г. Перевод В. А. Барбашевой. Редакция и комментарии Е. А. Гунста. Вступительная статья П. Фридлянда. Том I. XIX, 565 стр., цена 10 р. 60 к., Москва-Ленинград, «Academia».

активная литература

Кеснофонт. Греческая история. Перевод вступительная статья и комментарии С. Лурье. 378 стр., цена 7 р. 25 к., Ленинград, Ленизоиздат.

литературоведение

В. Давы. Толковый словарь. Том II. И-О. Фото-механическое воспроизведение 2-го издания 1880-1882 гг. 607 стр., цена 16 р., Москва, Гослитиздат.

детские книги

Как братец кролик победил льва. Сказка о животных народов Северной Америки, индейцев, африканцев, индусов, маляйцев и японцев. Перевод и обработка для детей младшего возраста М. Гершензона. Рисунки М. Хранковской. 188 стр. Цена 4 р. 75 к., Ленинград, Лендетгиз.

новые фильмы

В ноябре Межрабпомфильм выпустил 4-5 новых кинофильма. Начальник художественно-производственного отдела Межрабпомфильма т. В. А. Фельдман рассказал нашему сотруднику о новой продукции.

детские диафильмы

Фабрика № 5 гостра Советскфильм сдает на днях в распоряжение детскую диафильмную станцию с 12 диафильмами, посвященными октябрьским событиям в Ленинграде в 1917 г. Диафильмы рассчитаны на младший школьный возраст. Автор текста — О. Гурьян, художник — Великий.

детские диафильмы к октябрю

Фабрика № 5 гостра Советскфильм сдает на днях в распоряжение детскую диафильмную станцию с 12 диафильмами, посвященными октябрьским событиям в Ленинграде в 1917 г. Диафильмы рассчитаны на младший школьный возраст. Автор текста — О. Гурьян, художник — Великий.

В. Фаворский. Фрагмент полотна в Доме моделей в Москве

Советские журналисты и писатели о своей поездке в Чехословакию

Вечер в Доме печати

1 ноября в Доме печати состоялся вечер, на котором члены делегации советских писателей и журналистов, посетившей Чехословакию по приглашению чехословацкого союза журналистов рассказали о своих впечатлениях.

На вечере, между прочим, присутствовали: посланник чехословацкой республики г-н Богдан Палуз, члены чехословацкой миссии и чехословацкие журналисты.

Редактор «Труда» г. Тумаркин, открывший собрание, отметил теплый, дружеский прием, оказанный нашей делегации в Чехословакии.

С большим вниманием собрание выслушало интересный доклад председателя делегации т. Мих. Кольцова, рассказавшего о борьбе чехословацкого народа за свою независимость, о своеобразии этой страны, которую известный чешский писатель Карл Чапек называет «Европой в миниатюре».

Своими впечатлениями поделились с собравшимися Анна Каранаева, Алексей Толстой и И. Ковальский.

Вечер одноактной пьесы

В среде драматургов, посвятивших себя самодеятельному движению, до последнего времени преобладают споры: как нужно писать для самодеятельных драматургов? Одни — за настоящее искусство, без сценки, другие пользуются целой системой оговорок, смысл которых зачастую весьма двусмысленны.

Можно с уверенностью сказать, что бесспорные споры — в значительной степени результат незнания истинного положения вещей на местах.

Наглядной иллюстрацией к этому положению является первый из цикла показов, в организации которых так своевременно приступила драмтеатр. Три коллектива продемонстрировали в этот вечер свою работу: драматургская секция Ардабьевой показала драму «Проститутка».

В «Дороге на океан» — большая победа не только Леонова, но и всей советской литературы. Этот роман, подвигнутый Гросским, Власов и др. Леонов как бы завершил процесс своего идеологического перевооружения.

В «Азорских островах» М. Левинова подчеркивают некоторые из них, — в нем и спорные моменты, имеются и недочеты чисто драматургического порядка (особенно в третьем акте, почти сплошь построенном на разговорах и несколько механически распыленном).

В «Азорских островах», несомненно, этапный шаг в творческом пути Левинова драматурга.

Словарь литературных типов

Издательство «Советский писатель» подготовило к изданию двухтомный «Словарь литературных типов».

Задача издания — дать читателю, имеющему среднее образование, удобный справочник для ознакомления и дальнейшего самостоятельного изучения образов мировой литературы.

В «Словаре» будут помещены статьи о всех более или менее известных героях западноевропейской, русской и восточной литературы.

Объем книги — 120 азорских листов.

ПЕРВЫЙ ТОМ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

ЛЕНИНГРАД (с наш корр.). Вчера выслан в Москву пробный экземпляр первого тома «Истории гражданской войны в СССР».

На левом титульном листе книги напечатано:

История гражданской войны в СССР под редакцией: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова.

На правом титульном листе: История гражданской войны в СССР. Том первый. Подгот. Великой пролетарской революции.

Составители тома: Я. Л. Берман, В. А. Быстрицкий, М. Горький, П. Л. Дольский, С. М. Диманштейн, И. Н. Крипьяков, Н. В. Крыленко, И. И. Минц, В. П. Мильштейн, Д. З. Мануильский, Ф. Ф. Раскольников, К. В. Радек, О. А. Пятницкий, А. И. Стецкий, М. П. Тухачевский, А. И. Угатов и П. П. Эйдемюль.

Красочные картины принадлежат художникам: Сварога, Бродскому, Владимирскому, Якимову, Юну, Дроздову, Морозову и др. Карикатуры: Кукрыниксам, В. Ефимову, Дени, Моору, Н. Раллову, Каневскому и др. Оформлением и подбором иллюстративно-художественного материала руководил П. П. Мамлин.

Книга издана и отпечатана в Ленинграде в типографии «Печатный двор». Трехцветные авторские отпечатки в типографии им. Ивана Федорова. Форзац и карты изготовлены в типографии им. Томского, а меццо-тинта — в Москве, в первой образцовой типографии «Политграфини».

Книга издана и отпечатана в необычайно короткий срок. Она вышла в печать 2 сентября и подписана к печати 14 октября. За производством тома наблюдала специальная бригада секретариата главной редакции, в которую входили: И. И. Минц (глава секретариата главной редакции), Н. П. Мямлин, В. М. Соколов (руководитель издательской части), Н. В. Ильин, технический редактор, Л. Н. Юрченко и др. Работы по изданию книги производились во всех литографиях и типографиях с большим подъемом.

К каждому экземпляру первого тома «Истории гражданской войны в СССР» будет приложена специальная памятка красноварянец 1917 года. На ней написано: «Красная гвардия Василия Васильевича Шегалева и А. Ермолаева».

ДИСПУТЫ

СПОРЫ ОБ «УМКЕ» СЕЛЬВИНСКОГО

Никто из диспутантов — ни В. Базюк, ни Д. Мирский, ни К. Финн, как и все другие — не принял безоговорочно «Умку». Но не было человека, который бы подчеркивал бы со всей настойчивостью ту мысль, что этот спектакль в театре Революции, при всех своих частичных недостатках, открывает новую страницу в истории наших театральных явлений.

Наиболее искренне и последовательно отстаивал это положение К. Финн. Для него «Умка» — свидетельство не только оригинального и большого мастерства, но и большой творческой ответственности художника, в данном случае — Сельвинского.

Эти моменты в спектакле оказались смазанными. Власов оправдывается тем, что Кавалеридзе и автор дан в чисто литературном плане. Он больше говорит, чем действует. Но

аналит ли это, — небезосновательно спрашивает тот же Сельвинский, — театр должен был здесь капитализировать, проявить passivnost? Театр должен был притти на помощь поэту, тем более, что образ Кавалеридзе — принципиально новое и чрезвычайно интересное явление в творчестве Сельвинского.

Да и можно ли всегда апеллировать доводами от «вакано театра»? Тов. Сельвинский, ссылавшийся на Кавалеридзе, своей удачей, не разделяет фетишистского отношения к этим законам как к чему-то неизменному, неизменяемому. Рядом примеров из истории театра он обосновывает и свое право — право поэта, а не драматурга — увидеть воплощением свои образы на советской сцене.

В разрез с этим мнением идут утверждения Бесалова, Сосланя и Власова. Они тоже констатируют, что в романе Леонова встречаются еще «отмирающие типы», последние герои Достоевского, которые как-то затерялись в нашей действительности (Бесалов), но особенно новой встрече писателя с этими персонажами и том, что он сплел с ними «последние счеты», наносит им решающий удар.

В обсуждении приняли также участие Г. Игнатьев, В. Завурич, Артем Веселый, Дайраджиев, Коваленко и др.

«ДОРОГА НА ОКЕАН» Л. ЛЕОНОВА

Два вечера длилось обсуждение первого романа Леонова «Дорога на океан», организованное редакцией «Нового мира».

Выступившая часть собраний выслушана была слушателем о романе лишь по главам, прочитанным Леоновым на первом вечере, и по той части романа, которая была напечатана в № 9 «Нового мира». Однако и этого оказалось достаточно для того, чтобы все выступавшие пришли к единодушному выводу:

«Дорога на океан» — большая победа не только Леонова, но и всей советской литературы. Этот роман, подвигнутый Гросским, Власов и др. Леонов как бы завершил процесс своего идеологического перевооружения.

Он выступает здесь как человек, осознавший необходимость и неизбежность победы социализма, как страстный борец за социализм.

Впервые, утверждая в своем вступительном слове на обсуждении

«ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ»

«Литературная энциклопедия» так характеризует идеологические устремления и практическую деятельность небезызвестного в свое время черносотенца М. Каткова:

«Статьи по «полюскому вопросу» сделали его (Каткова) официальным выразителем шовиннической политики великодержавного государства».

Катков, — читаем мы дальше, — «облекаясь вокруг себя все те же силы дворянско-помещичьей реакции».

Мы не сомневаемся, что скаанное выше для читателей нашей газеты является прописной истиной. Не сомневаемся также в том, что позорная деятельность Каткова хорошо известна руководителям «Литературной лавки» писателей.

Только потерей политического такта можно объяснить эту по меньшей мере странную популяризацию отвлеченного мракосеба.

СОВЕЩАНИЕ ПОЭТОВ И КРИТИКОВ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

3 ноября состоялась встреча редакция «Литературной газеты» с поэтами и критиками для обсуждения вопросов подготовки к декабрьскому пленуму союза советских писателей.

После вступительного слова врид отв. редактора «Литературной газеты» т. Н. Шанко развернулись прения, в которых приняли участие тт. В. Гусев, А. Лейтес, М. Левинов, К. Локс, Д. Мирский, Е. Мустангова, Н. Оружейников, О. Рендик, И. Розанов, И. Сельвинский, И. Угатов, Ю. Юзвский и др.

Подробный отчет о совещании публикует в следующем номере «Литературной газеты».

За 5 дней

Приказом Народного комиссара по просвещению т. Бубнова артистам театра Заваложко В. П. Марешко и Н. Д. Мордвинову и артистам Нового театра К. М. Половиковой и Н. К. Соболину присвоено звание заслуженных артистов республики.

Творческий вечер поэта Арго состоялся в ДСП 30 октября. Поэт прочел свой перевод стихотворной трагедии В. Гюго «Рюи Блаас».

Дети организуем в школах и детских садах обсуждения книг советских писателей. Недавно К. Чуковский прочел в 43-м и 9-м детских Бауманского района Москвы свое новое прозаическое произведение «Адиболит».

На днях Дом советского писателя совместно с союзом советских композиторов организовал первый показ новейших произведений советских композиторов на пушкинские тексты. Артистами В. Духовской и Оксаями были исполнены произведения Шубинина, Хренникова и «Пушкинские» Ковалева.

29 октября состоялось расширенное заседание бюро секции переводчиков. Бюро обсудило вопросы, связанные с организацией первого всесоюзного совещания переводчиков.

2 ноября в Доме архитектора состоялась конференция по вопросам архитектуры кино. Доклад сделал арх. Корфелд. Специально к совещанию была развернута выставка проектов кинотеатров.

1 ноября в Доме кино состоялась встреча деятелей кино со студентами Фрунзенского района. На встрече присутствовали тт. А. Довженко, Г. Рошаль, В. Пудовкин, Е. Александров и др.

Были продемонстрированы фрагменты из нового фильма Довженко «Аэроград». Собрание устроила т. Довженко горячую оацию.

Для обслуживания бойцов ОКДВА выехал на Дальний Восток на десять месяцев Московский рабочий художественный театр. В беседе с сотрудником «Литературной газеты» директор театра заявил, что МРХТ берет с собой репертуар последних лет и, кроме того, даст в Хабаровске три премьеры: комедию Берра и Верейля «Мое преступление», пьесу Д.Аларкома «Гляч из Севонья» и одну советскую оперетку по пьесе 29 октября в Клубе мастеров искусств состоялся торжественный проводы коллектива театра.

Печатную газету стал издавать Малый театр. Уже вышло три номера газеты, в которой помещен материал о быте и работе Малого театра. В газете помещены статьи режиссера С. Радлова, А. Динко, Л. Волкова, осуществляющих сейчас в Малом театре ряд постановок.

РЕДКИЕ КНИГИ

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ БУТОЧНИКОВ, БАЛЛАДА ПОУЧИТЕЛЬНАЯ, СОЧИНЕНИЕ ЕЛИСТАРАТА ФИТОЛЬКИНА

Эта хурьевская книжка вышла в Москве в 1832 г. Ее автор — В. Протопольский. Она является пародией на известную романтическую балладу В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев». В начале книжки помещено следующее обращение к цензуре:

Цензурушка! Голубушка! Нельзя ли пропустить? О господи О здравии Твоем буду молить! Свободу я Тиснения Всегда буду бранить! Цензурушка! Голубушка! Нельзя ли пропустить?

Тема баллады — насмешка над политической того времени, над ее грубостью, невежеством, лихонством, пьянством.

Даже сам «ужасный царь геенный» — Сатана, попавший в лапы «кротков», спасается бегством: И бедный дьявол в ад побрел, От горести стенав, Как будто несолоно ел, Подыхая проклинав!..

«Зловредная» книжка вскоре после выхода была изята из продажи. В настоящее время в книжных магазинах она встречается чрезвычайно редко. Существует ее переиздание (неполная, без обращения к цензуре), вышедшая в Петербурге в 1863 году.

Известный библиограф Геннади в своей книге «Русские книжные редкости» сообщает, что «за пропуск этой брошюры оставлен в цензуре известный писатель С. Т. Аксаков».

ВЛ. КУНИН

«ШАХНАМЭ» НА ЧАГАТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Казахстанский центральный музей приобрел ряд ценных старинных книг. Среди них особое внимание привлекает редкий экземпляр поэмы Фарухи «Шахнамэ». Эта книга выдана 30 с лишним лет тому назад на чагатайском языке.

Чагатайский язык был искусственным языком, введенным в XVI веке для иероглифического перевода книг и узбекских слов.

Это новое приобретение ценно тем, что на чагатайском языке перевод «Шахнамэ» издан наиболее полно.

АРХИВ ЛУГОВОГО ПРОДАЛИ НА МАКУЛАТУРУ

Недавно в Луге умерла вдова писателя Лугового-Тихонова, автора ряда популярных в свое время произведений — «Возврат» и «Умер талант». После смерти Луговой рукописи и черновики писателя перешли в наследие Луговой-Тихонова, которая работала финишистом, в поставив много в известности, продав архив писателя на макулатуру. Удалось спасти только незначительную часть рукописей.

Н. ДЕМЕНТЬЕВ

Вечером 28 октября безвременно погиб молодой талантливый советский поэт Николай Деметьев.

Семидесятилетний комсомолец выступил в литературе, Николай прошел сложный путь становления поэта-анирка, всем своим существом и творчеством связанного с действительностью строящегося социализма.

Преодолевая ограниченность своей литературной и общественной биографии, Деметьев в годы первой пятилетки пошел на курсы СПИТ, чтобы овладеть специальностью слесаря, ближе и непосредственнее включиться в гигантский процесс перестройки страны. Он с тобою окунался в жизнь строителя Бобновского химкомбината.

Чтобы помочь молодым рабочим молодого предприятия скорее познать смысл и характер нового производства, он, являясь за перо прозаика-популяризатора, написал книгу о рождении атома азота. Проникновение в самую гущу жизни стало могучим толчком для дальнейшей творческой работы Деметьева, в результате чего вылилась книга стихов о социалистической стройке и одно из лучших в советской поэзии последних лет стихотворение «Мать», написанное в свое время в «Правде».

Тяжелое нервное заболевание, связанное больше чем на год творческой работой поэта, привело к трагической развязке, оборвавшей в самом расцвете интересную и богатую творческими возможностями жизнь.

В лице Николая Деметьева советская литература потеряла замечательного работника, сумевшего сделать свое личное творческое дело частью общеполитического дела строительства социализма. Советская поэзия потеряла одного из своих молодых, богатых перспективами творческого роста представителей.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКИЙ, ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ, СЕМЕН КИСАНОВ, АЛ. СУРКОВ, В. ГУСЕВ, МИХ. ГОЛОДНИКОВ, ВЛ. ЕРМИЛОВ, А. СТУПНИКОВ, А. ГУРВИЧ, Б. ЛЕВИН, А. КОЛЫЧЕВ, Б. ГУБЕР, Д. МАЗИН, И. УТКИН.

Глубоко сожалеем о смерти Николая Деметьева. Успех его поэтической работы за последние годы свидетельствовал о его больших творческих возможностях. То, что им не суждено было осуществиться, усиливает нашу скорбь.

Н. БРАУН, В. СЯНОВ, А. ПРОКОВЕВ, М. КОМИССАРОВА, Б. КОРНИЛОВ.

Врид ответственного редактора Н. Г. ПЛИСКО. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-67 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрестной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-62.